

Борис Машук

Где-то там, у самой Олёкмы

**фрагмент очерка
«Где-то там, у самой Олёкмы»**

В нашем котелке лежат три ярких звезды... Это в остывшем чае отражается чистое октябрьское небо.

Сегодня тепло, и мы не торопимся в зимовьё, сидим у костра на обрывистом берегу Олёкмы. Вокруг горы, тайга. До ближнего селения сорок километров, десятка два перевалов. Ещё дальше за ними – весь мир, с гулом моторов и электрическим светом. А здесь мы одни, и доносящиеся из темноты звуки – шуршание листьев, гуканье неведомой птицы, потрескивание в кустарнике и всплески на реке – воспринимаются особенно остро.

Услышав под обрывом всплеск, Анатолий Иванович поднимает голову:

– Однако таймень в нашу сетку торопится. Слышь, как сыграл...

Он подбрасывает в костёр сухие поленья, раскуривает погасшую папиросу.

– В жизни, видишь ли, у каждого по-разному всё получается... У меня, наверное, смешнее всех вышло. Невесту целый год к себе ожидал, а медовый месяц у нас не сложился... Пока она добиралась, наступил май, а с ним отёлочная. На третий день после свадьбы пришлось мне в стада уехать.

Простыми негромкими словами начинает Анатолий Иванович рассказ ещё об одном событии из своей жизни.

...В апрельский день 1939 года по северной речке Нюкже скользила хрупкая плоскодонка. Правил ею пожилой эвенк Пётр Карарбок. Поглядывая вдоль реки, молчал, не глядя на пассажирку, – беленькую девушку в городском пальтишке, сапогах и цветастом платке.

Река ещё переживала буйство весеннего паводка, пузырилась и пенилась у берегов, снимала с отмелей льдины, деревья, сваленные зимними

метелями. Распадки дышали холодом, на вершинах гор лежал снег, но солнце уже прогревало воздух, и на южных склонах кое-где розовели островки зацветающего багульника.

В суровой красоте перед горожанкой открывался огромный край, и, задумавшись, она не сразу заметила перемену в проводнике. На лице эвенка появилось беспокойство. Он настороженно к чему-то прислушивался.

Обогнув полуостров, река вынесла лодку на грохочущий пережат. Глянув вперёд, девушка испуганно сжалась: всю ширину русла впереди закрывал ледяной затор. Скрываясь под ним, река бурлила, вскипая шумно и зло.

Проводник быстро заработал веслом, отгребая к берегу, но стремнина уже подхватила лодку. В последний момент, когда поток завертел судёнышко, краем глаза девушка увидела бегущих по берегу людей. Лодку ударило о глыбу льда, отшвырнуло ко второй, накренило. Через борт хлынула ледяная вода.

– Прыгай! На лёд прыгай! – услышала она крик эвенка.

Девушку выбросила из лодки на шаткую льдину. Обламывая ногти, удержалась, кое-как переползла на другую, более мощную льдину. На секунду оглянувшись, увидела ползущего следом проводника, угол уходящего под лёд чемодана, обломок весла.

Отползая дальше от страшного края сквозь треск льда и шум воды, он вдруг услышал крик:

– Держись, ребята! Держись!

С шевелящегося ледяного поля девушка увидела хлопотавших у берегового обрыва мужиков, падающую лесину и ближе – рослого бородатого дядьку с жердью.

Она не знает, сколько времени прошло, пока дотянулась до протянутой жерди. Судорожно вцепившись в неё, выбралась на сушу, потом, задыхаясь и шурша замерзающей на ходу одеждой, бежала каменистым берегом, всё время слыша за спиной:

– Беги, девка! Ловчей беги!

Их провели в большую палатку, усадили обоих к жаркой печке. Бородач порылся в мешке и бросил на ящик чистое бельё, брюки, рубашки, шерстяные носки.

– Мы выйдем, – сказал он девушке, – а ты давай скидывай мокрое и залезай в это.

Мужики вышли на солнечное затишье. Роня редкие слова, помогли проводнику переодеться. Они ждали его рассказа, но тут появилась девушка с мокрым свёртком в руках. Глянув на неё, одетую во всё мужское, все заулыбались.